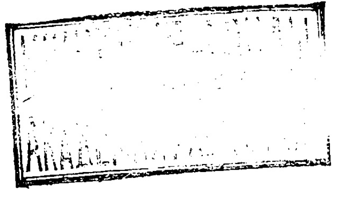
I1029

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

№1-3, 1936

7340

№ 1

1936

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

[По]СТОЯННЫЕ СОТРУДНИКИ НАШИХ ЖУРНАЛОВ

[И]р. Бехер, О. Биха, В. Бредель, Брехт, Э. Вайнерт, Ф. Вайскопф, [В]итфогель, Ф. Вольф, А. Габор, Э. [...]ель, О. М. Граф, М. Грестхеннер, [Г]рюнберг, К. Нейкранц, Э. Оттвальт, [...]ивье, Э. Пискатор, Л. Ренн, К. Кле-[...] А. Курелла, Б. Ласк, Г. Мархвица, [...]ер, А. Зегерс, Э. Э. Киш, Л. Турек, [...]иррер (Германия); Рос Паскоe

[...] Андерсон, М. Голд, [redacted]-[...] Т. Драйзер, Дж. Калар, У. Кармон, [...]тил, Дж. Кьюниц, Синклер Льюис, [...]озовик, М. Пэйдж, У. Синклер, А. [...], У. Фрэнк, Дж. Фримэн, У. Чем-[...] Л. Хьюз (Америка);

[...] Арагон, Ж. Р. Блок, П. Вайян-Ку-[...], А. Жид, Ж. Жионо, А. Мальро, [М]уссинак, П. Низан, Ромэн Роллан, [С]адуль, Ж. Фревиль (Франция);

[...] Барта, Ш. Гергель, А. Гидаш, Б. Ил-[...] Л. Киш, В. Камьят, Г. Лукач, Э. Ма-[...] Я. Матейка (Венгрия);

[...] Ласт, Герард Фантер (Голлан-[дия]);

[...] Илемницкий, Ст. К. Нейман, Л. Но-[...]ский (Чехословакия);

[...] Шнур, Ф. Яничек (Австрия);

[...] Броневский, А. Ват, Ст. Выгодский, [...]от, Ст. Р. Станде, [redacted]); Б. Ясенский

[...] Джерманетто, Росси (Италия);

[...] Альберти, Х. Ардериус, С. М. Ар-[...], С. Вальехо, М. Т. Леон, Р. Х. [...] (Испания);

[...] Ашли, А. П. Ролей, Г. Хэзлоп, Б. [...] Дж. Стрэчи, А. В. Эллис (Англия);

[...] Томасен, З. Лунд, М. А. Нексе [...];

[...]ум, Л. Лайценс, Я. Эйдук (Латвия);

[...] Ма-жо, Лу Син, Мао Дунь, Эми [С]янь Хань, Фин Сефун, Хуа Хань, [...] Синцунь, Чжоу Цин, Шен Туа-[...] (Китай);

[...] Брандоу (Бразилия);

[...] Мансисидор (Мексика); И. Бабель,

[...] Анисимов, [redacted], Билль-[Бело]церковский, О. Брик, Е. Габри-[...], Е. Гальперина, Ф. Гладков, А. Гле-[...] А. Дейч, С. Динамов, В. Дмитрев-[...] А. Запровская, К. Зелинский, А. [...]атова, Вс. Иванов, М. Ильин, И. [...] А. Исбах, Ив. Катаев, И. Каш-[redacted], В. Киршон, В. Ка-[...] Л. Кассиль, Ф. Кельин, Лахути, М. [...]ов, Л. Леонов, В. Лидин, Д. Мир-[...] Металлов, [redacted] И. Ну-[...] Н. Огнев, К. Паустовский, Е. [redacted] Франскус, А. Се-[...]овский, И. Сельвинский, В. Ставс-[...] Н. Тихонов, [redacted] А. Фа-[...] М. Шагинян, Ф. Шиллер, В. Шкло[вский], [...] Д. Эйхенгольц, И. Эренбург, Н. [...]ина (СССР).

М. Кольцов, И. Микитенко, Б. Пильняк, С. Третьяков

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

АМЕРИКАНСКАЯ НОВЕЛЛА XX ВЕКА

РЕПОРТАЖ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОШЛОГО

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

ТЕОРИЯ И КРИТИКА

ФАКТЫ И ДОКУМЕНТЫ

неправый поступок губит все наше дело. Ребята! Любая капля крови, несправедливо пролитая, будет ядом в кубке судьбы, из которого всем нам здесь пить придется!

ТУМ *(медленно поднимаясь).* Кто там... говорил... о кубке судьбы?

РЕС. Рыцарь заговорил.

ТУМ. Кто говорил... о кубке судьбы? *(Концу).* Кто ты таков? — Проклятье, глаза мне знакомы! *(опускается на землю).* Жаль, что ты не рыцарь!

КОНЦ. Жаль, что ты не крестьянин.

ТУМ *(после паузы).* А почему ж ты спас меня?... Почему ты это сделал?...

КОНЦ. Потому, что храбрых мужей теперь не часто встречаешь... Потому, что все они должны теперь творить одно общее, правое дело.

ТУМ. Трудно это... трудно... но я хочу... впредь не быть вашим врагом *(протягивает ему руку).*

КОНЦ. Хайо, один муж завоеван, а это стоит ста побед!

БРАТ АРНОЛЬД. Конц, сейчас ликовать не гоже.

КОНЦ. Я не могу иначе, брат Арнольд! Радостно мне! Ликованье сейчас, что молитва! Позаботься о рыцаре, брат. А вы подымите знамена! Вскиньте косы — вперед на Шорндорф! Замок должен пасть! В путь, ребята! Свобод-ный воздух должен свистеть вокру-г нас! Пусть трезвонят в колокола! Вес-ь край должен восстать. А там дойдем до Штутгардта. Посмотрим, посмеют ли нам противиться?

(Толпа под барабанный бой и с разве-рнутыми знаменами уходит со цены по-д звуки песни о косе. Тишина.)

ТУМ *(брату Арнольду).* Брат, знач-ит имеются достойные люди и на их сто-роне?

БРАТ АРНОЛЬД. Видишь ли, во-прошают, когда смущает сомненье. Но в твоем вопросе слышен уже и ответ.

ТУМ. А как зовется песня, котору-ю они поют, и на какие слова она поется?

БРАТ АРНОЛЬД. Это — «песнь о ко-се» простого люда. Весы божьего гне-ва со свистом ударяют о нашу землю. Сейчас они поют строфу:

Ой, косушка-матушка, долго ль на-м ждать
Не бедному ль Конраду нам услужать?
Там, где фогт нас грабит, где суд-ьи лукавит
Только божий гнев от беды избави-т
Хайо, хайа!

ТУМ *(с внезапным порывом).* Бра-т, помоги мне выздороветь!

Джемс Джойс

Улисс

Перевод с английского ЕВГ. КАЛАШНИКОВОЙ

7

В СЕРДЦЕ ИБЕРНИЙСКОЙ СТОЛИЦЫ

У колонны Нельсона трамваи замедляли ход, сворачивали, переводили ролик, расходились на Блэкрок, Кингстаун и Долки, Клонски, Рэтгар и Теренюр, Палмерстон-парк и верхний Рэтмайнз, Сэндимонт Грин, Рэтмайнз, Рингсенд и Сендимонт Тауэр, Гарольдс Кросс. Охрипший диспетчер Дублинской об'единенной трамвайной компании выкрикнул:

— Рэтгар и Теренюр!

— Сэндимонт Грин — на линию!

Справа и слева параллельно звякая лязгая один с империалом и один простой тронулись из своих тупиков, выехали на линию, заскользили параллельно.

— К отправлению, Пальмерстон-парк!

ВЕНЦЕНОСЕЦ

Под порталом главного почтамта чистильщики сапог зазывали клиентов и начищали башмаки. Выстроенные вдоль Норс Принц-Стрит его величества краснокирпичные почтовые кареты с королевскими инициалами E. R.[1] на дверцах принимали с шумом кидаемые мешки писем, открыток, почтовых карточек, посылок заказных и ценных, местную, иногороднюю, английскую и континентальную корреспонденцию.

[1] Под редакцией Первого переводческого коллектива ССП.
[2] Eduard Rex (лат.)—король Эдуард.

ГОСПОДА ЖУРНАЛИСТЫ

Грузчики в тяжелых сапогах выкатывали глухогрохотные бочки из склада Принса и громоздили их на фургоны пивоварни. На фургонах пивоварни громоздились бочки, глухогрохотно выкатываемые грузчики в тяжелых сапогах из склада Принса.

— Вот оно, сказал Ред Мюррэй. Александр Клютчей.

— Вы мне его вырежьте, сказал м-р Блум, и я снесу его в редакцию *Телеграфа.*

Дверь в кабинет Рэтледжа снова скрипнула. Дэви Стивенс, крошечный в своем огромном плаще, в маленькой фетровой шляпе поверх кудряшек, вышел со свертком бумаг под полой, королевский курьер.

Длинные ножницы Реда Мюррэя выкроили об'явление из газеты четырьмя четкими взмахами. Ножницы и клей.

— Я пройду через типографию, сказал м-р Блум, беря вырезанный квадратик.

— Ну, а если ему еще нужна заметка, сказал Ред Мюррэй солидно, засунув перо за ухо, мы можем ему написать.

— Отлично, сказал м-р Блум, кивнув. Я это устрою.

Мы.

ВИЛЬЯМ БРАЙДЕН, ЭСКВАЙР, ПОМЕСТЬЕ ОКЛЭНДС, СЭНДИМОНТ

Ред Мюррэй тронул ножницами локоть м-ра Блума и шепнул:

— Брайден.

М-р Блум обернулся и увидел как швейцар в ливрее приподнял свою фуражку с буквами перед величавой фигурой, проходившей между витринами еженедельника *Фримэн энд Нэйшонал Пресс* и газеты *Фримэн энд Нэйшонал Пресс.* Глухогрохотные бочки Гиннесса. Фигура величаво взошла по лестнице, буксируемая зонтиком, торжественное,

обрамленное бородой лицо. Шевиотовая спина поднималась со ступеньки на ступеньку: спина. У него все мозги в затылке, говорит Саймон Дедалус. Валики мяса сзади. Жирная в складках шея, жирная, шея, жирная, шея.

— Вам не кажется, что у него лицо как у Спасителя? шепнул Ред Мюррэй.

Дверь в кабинет Рэтледжа шепнула: ии; скрии. Всегда делают одну дверь напротив другой, чтобы ветер. Вход. Выход.

Спаситель: обрамленное бородой овальное лицо: говорит в сумерках Мария, Марфа. Буксируемый зонтиком-мечем к рампе: Марио, тенор.

— Или как у Марио, сказал м-р Блум.

— Да, согласился Ред Мюррэй. Но говорят, Марио был вылитый Спаситель.

Иисус Марио с нарумяненными щеками, колèт и журавлиные ноги.

Рука к сердцу. В «Марте».

При-иди, погибшая,
При-иди, любимая.

ПОСОХ И ПЕРО

— Его высокопреосвященство два раза звонил сегодня, торжественно сказал Ред Мюррэй.

Они смотрели, как колени, ноги, башмаки исчезали. Шея.

Мальчик рассыльный проворно вбежал, бросил пакет на барьер и умчался как на почтовых, выкрикнув одно слово.

— *Фримэн!*

М-р Блум сказал медленно:

— Что ж, и он — один из наших спасителей.

Кроткая улыбка провожала его, когда он поднимал створку барьера, когда он шел к боковой двери и теплой темной лестницей и коридором, по дрожавшим теперь половицам. Но спасет ли он тиражи? Стук, стук.

Он толкнул стеклянную дверь и вошел, перешагнув через груду оберточной бумаги. Меж рядами лязгающих валов он направился к загородке Нанетти.

С НЕПОДДЕЛЬНОЙ СКОРБЬЮ МЫ ИЗВЕЩАЕМ О КОНЧИНЕ ВСЕМИ УВАЖАЕМОГО ДУБЛИНСКОГО ГРАЖДАНИНА

Хайнз тоже здесь: отчет о похоронах наверно. Стук-тук-тук. Сегодня утром останки покойного мистера Патрика Дигнэма. Машины. Сотрут человека в порошок, только попадись им. Правят миром теперь. Его механизм изнашивается тоже. Вот как эти: начинаются перебои. Заедает, срывается. А та старая серая крыса надрывается, чтобы пробраться внутрь.

КАК ДЕЛАЕТСЯ БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

Мистер Блум остановился за тщедушной спиной метранпажа, любуясь его глянцевитой макушкой.

Странно, что он никогда не видел своей настоящей родины. Ирландия моя родина. Депутат от Колледжгрин. Из кожи вон лез, чтоб поставить свое дело на рельсы. Еженедельнику цену придают об'явления и мелкие заметки, а не заплесневелые газетные новости. Скончалась королева Анна. Правительственные сообщения за год тысяча. Поместье, расположенное в округе Розеналлис, баронство Тинначинч. Всем заинтересованным лицам и учреждениям официальная сводка данных о числе мулов и кобыл, экспортированных из Баллины. Дневник природы. Карикатуры. Пат и Булл, еженедельный фельетон Фила Блэйка. Страничка дяди Тоби для маленьких ребят. Письма деревенского читателя. Уважаемый господин редактор, укажите средство от ветров в желудке. Я бы взял себе этот отдел. Много узнаешь, поучая других. Светская хроника В. М. К. Весь Мир в Картинках. Стройные купальщицы на золотом пляже. Самый большой воздушный шар в мире. Свадьба двух сестер в один день. Два жениха весело посмеиваются друг над другом. И Куприани, печатник тоже. Больше ирландец, чем сами ирландцы.

Машины позвякивали в трехдольном ритме. Стук, стук, стук. А вдруг его хватит удар и никто не будет знать как их остановить, они и будут звякать все так же и так же, печатать снова и снова, одно и то же. Вот кутерьма поднялась бы. Нужно иметь ясную голову.

— Дайте в вечернем выпуске, советник, сказал Хайнз.

Скоро будем называть его лорд-мэром. Говорят, Длинный Джон держит

его руку. Метранпаж, не отвечая, нацарапал в углу листка в печать и сделал знак наборщику. Он молча передал листок поверх грязной стеклянной перегородки.

— Так; спасибо, сказал Хайнз, отходя.

М-р Блум загородил ему дорогу.

— Если хотите получить деньги, кассир сейчас уходит завтракать, сказал он, указывая через плечо большим пальцем.

— А вы получили? спросил Хайнз.

— Мм, сказал м-р Блум. Не зевайте, так еще застанете.

— Спасибо, старина, сказал Хайнз. Постараюсь его поймать.

Он торопливо побежал в редакцию газеты.

Три шиллинга одолжил ему у Мигера. Три недели. Третий раз намекаю.

АГЕНТ ЗА РАБОТОЙ

М-р Блум положил газетную вырезку на стол м-ра Нанетти.

— Простите, советник, сказал он. Видите ли, это об'явление. Помните, Клютчей.

М-р Нанетти некоторое время разглядывал вырезку, потом кивнул.

— Он хочет, чтобы оно пошло в июле, сказал м-р Блум.

Не слышит шума. Наннан. Железные нервы.

Метранпаж протянул свой карандаш к вырезке.

— Нет, постойте, сказал м-р Блум. Он теперь хочет по другому, Клютчей, понимаете? Он хочет, чтобы вверху была пара ключей.

Чорт знает что за шум. Может быть он понимает что я.

Метранпаж повернулся, чтобы терпеливо выслушать, и подняв локоть стал медленно почесывать под мышкой своего альпагового пиджака.

— Вот так, сказал м-р Блум, скрестив указательные пальцы.

Сначала пусть это сообразит.

М-р Блум, отведя взгляд от своих скрещенных пальцев, увидел изжелта бледное лицо метранпажа, должно быть желтухой болен, а позади послушные барабаны, подающие огромные роли бумаги. Звяк. Звяк. Разматываются целые мили. Куда она пойдет потом? А, на завертку мяса, пакеты: мало ли куда, тысяча и одно применение.

Ловко вставляя слова в промежутки между звякающими стуками, он быстро рисовал на исцарапанном дереве.

ДОМ КЛЮ(Т)ЧЕЙ

— Вот так, понимаете? Здесь два ключа крест-накрест. И круг. А здесь имя Александр Клютчей, торговля чаем, винами и водочными изделиями. И так далее.

Ученого учить только портить.

— Вы сами знаете, советник, что ему нужно. Потом сверху полукругом капителью: Дом Ключей. Понимаете? Как по-вашему, удачная мысль?

Метранпаж передвинул руку к нижним ребрам и спокойно почесывал там.

— Мысль такая, сказал м-р Блум: Дом Ключей. Знаете, советник, парламент острова Мэн. Намек на гомруль. Туристы, знаете, с острова Мэн. Бросается в глаза, понимаете? Можно это сделать?

Пожалуй, его я мог бы спросить, как произносится voglio. А вдруг он не знает, выйдет неудобно. Лучше не надо.

— Сделать можно, сказал метранпаж. У вас рисунок есть?

— Могу достать, сказал м-р Блум. Это было в одной Килкеннийской газете. У него там тоже магазин. Я с'езжу к нему и спрошу. Значит, можно дать это и еще небольшую заметку, чтобы привлечь внимание. Знаете, как обычно. Первоклассная фирма. Давно назревшая необходимость. И так далее.

Метранпаж на мгновение задумался.

— Можно сделать, сказал он. Пусть даст продление на три месяца.

Наборщик принес ему сырую полосу. Он молча принялся читать ее. М-р Блум стоял рядом, слушая громкое биение рычагов, глядя на молчаливых наборщиков у реалов.

ИЗ ОБЛАСТИ ПРАВОПИСАНИЯ

Должен быть тверд в орфографии. Корректорская лихорадка. Как это Мартин Кеннингэм забыл сегодня задать нам свою задачу на правописание. Извозчик зэ че так кажется? разносчику эс че стоя на остановке говорил с ра два эс

сстановкой: вот на кладбище да найти клад бы еще, можно было бы жить без забот. Глупо, правда? Кладбище тут конечно только из-за клад бы еще.

Надо было сказать, когда он надел свой цилиндр. Благодарю вас. Я бы должен сказать что-нибудь насчет старого цилиндра или еще что нибудь. Нет, надо было сказать. Теперь совсем как новый. Посмотреть бы тогда на его физию.

Сллт. Нижний вал первой машины вытолкнул вперед фальц-аппарат и с ним первую полосу сфальцованных газет. Почти по-человечески это сллт, чтоб привлечь внимание. Только что не говорит. И дверь тоже сллт скрипит, просит, чтоб ее закрыли. Каждая вещь разговаривает по-своему. Сллт.

ДУХОВНАЯ ОСОБА СРЕДИ СОТРУДНИКОВ

Метранпаж вдруг вернул полосу, говоря:

— Стойте. Где письмо архиепископа? Его нужно дать еще раз в *Телеграфе*. Где этот, как его?

Он огляделся среди своих шумных невнемлющих машин.

— Монкс, сэр? спросил голос из отливочной.

— Вот-вот. Где Монкс?

— Монкс!

М-р Блум взял вырезку. Пора уходить.

— Значит я достану рисунок, м-р Нанетти, сказал он, и я надеюсь, что вы дадите его на видном месте.

— Монкс!

— Да, сэр.

Продление на три месяца. Придется попыхтеть. Ну, попытка не пытка. Упирать на август: хорошая мысль: время конской выставки. Боллсбридж. Наплыв туристов на выставку.

ОТЕЦ ГАЗЕТНЫЙ СТОЛБЕЦ

Он прошел через наборную, мимо старика в очках, сгорбленного, в фартуке. Старый Монкс, Отец газетный столбец. Что только не проходило через его руки за все эти годы: извещения о смерти, реклама баров, речи, бракоразводные процессы, утопленники. Теперь уж скоро на покой. Серьезный, рассудительный старик, и на книжку, должно быть, кое-что отложено. Жена умеет и сготовить и постирать. Дочка за швейной машинкой в гостиной. Простушка, без всяких затей.

И ТО БЫЛ ПРАЗДНИК ИСХОДА

Он остановился по дороге посмотреть на наборщика, ловко разбирающего набор. Сначала прочитывает справо налево. Быстро он это делает. Трудно должно быть без привычки мэнгиД киртаП. Бедный папа, читающий мне из своей Агады, водя пальцем справа налево. Пейсах. В будущем году в Иерусалиме. Фу-ты ну-ты. Вся эта длинная история о том, как вывел нас из земли египетской и привел в дом рабства *аллилуия. Шма Исроэл Адонай Элохейну.* Нет, не то. Потом двенадцать братьев, сыновья Иакова. И потом ягненок и кот и пес и палка и вода и резник, а потом ангел смерти убил резника, а тот убил быка, а пес убил кота. Звучит довольно глупо, пока не приглядишься в чем дело. Означает справедливость, ведь тут каждый поедает другого. В сущности такова жизнь. Как быстро он справляется с этим. Дело мастера боится. Словно видит пальцами.

М-р Блум вышел из звякающих шумов по галлерее на площадку лестницы. Что ж я потащусь трамваем такую даль, а потом еще не застану его. Лучше сначала позвонить. Телефон? Как номер дома Цитрона. Двадцать восемь. Двадцать восемь два раза четыре.

ОПЯТЬ ЭТО МЫЛО

Он спустился по лестнице. Какой дурак исчиркал тут все стены спичками? Старался словно на пари. Тяжелый жирный запах всегда почему-то в типографиях. Тепловатый клей у Тома, рядом, когда я был там.

Он вытащил платок, чтобы зажать нос. Цитронлимон. А, мыло я положил туда. Легко выронить из этого кармана. Засовывая платок обратно, он вынул мыло, переложил его в задний карман брюк и застегнул на пуговичку.

Какими духами душится ваша жена? Можно бы еще зайти домой: трамвай; что-то позабыл. Хоть бы взглянуть перед тем как одеваться. Нет. Здес[illegible]ржи

Взрыв визгливого хохота донесся из редакции *Вечернего Телеграфа*. Знаю, кто это. Что там такое? Забежать на минутку, к телефону. Нед Ламберт, вот кто.

Он тихо вошел.

ЭРИН, СМАРАГД СЕРЕБРЯНОГО МОРЯ

— Явление призрака полным печенья ртом шепнул потихоньку профессор Мак-Хью пыльной оконной раме.

М-р Дедалус, переведя глаза с пустого камина на насмешливое лицо Неда Ламберта, сказал недовольным тоном.

— Страсти господни, да от этого изжога в заду может сделаться.

Нед Ламберт, сидя на столе, читал:

— *Или вот, взгляните на извилины журчащего ручья, когда он весело бежит вперед, овеянный нежнейшими зефирами, споря со скалистыми преградами на пути, к стремительным водам синего Нептунова царства, средь мшистых берегов, в переливах сверкающего солнца или под тенью, отбрасываемой на его задумчивое лоно зелеными сводами блистательного сада.* Что вы на это скажете, Саймон? спросил он, глядя поверх газеты. Каков слог, а?

— Видно, что с перепою, сказал м-р Дедалус.

Нед Ламберт хохоча колотил газетой по коленям, повторяя:

— *Задумчивое лоно и блистательный зад.* Ой не могу! Ой не могу!

— И Ксенофонт смотрел на Марафон, сказал м-р Дедалус, снова переводя глаза от камина к окну, а Марафон смотрел на море.

— Довольно, крикнул с подоконника профессор Мак-Хью. Я не хочу больше слушать эту чушь.

Он догрыз выеденное полумесяцем печенье и, разохотившись, приготовился грызть печенье в другой руке.

Высокопарная чушь. Пустозвонство. Нед Ламберт решил прогулять денек как видно. С этими похоронами весь день кувырком. Говорят, он пользуется влиянием. Он не то внучатный не то правнучатный племянник старика Чэттертона, вице-канцлера. Тому, говорят, чуть не под девяносто. Некролог для первой бу[illegible]сы наверно давно уже заготовлен. лые ми. Живет на зло им. Может раньше сам на тот свет отправится. Подвинься, Джонни, дай место дяде. Достопочтенный Хэджс Эйр Чэттертон. Наверно перепадает ему в черные деньки чек-другой с дрожащей подписью. Вот-то радость, когда старичка в могилу сдует. Аллилуйя.

— Ну, еще один пароксизм, сказал Нед Ламберт.

— Что это такое? спросил м-р Блум.

— Недавно найденный отрывок Цицерона, ответил профессор Мак-Хью напыщенно. *Наша прекрасная родина.*

НЕ В БРОВЬ, А В ГЛАЗ

— Чья родина? простодушно спросил м-р Блум.

— Весьма уместный вопрос, сказал профессор прожевывая. С ударением на чья.

— Родина Дэна Доусона, сказал м-р Дедалус.

— Это его вчерашняя речь? спросил м-р Блум.

Нед Ламберт кивнул.

— Нет, послушайте вот это, сказал он.

Дверь толчком отворилась и ручка ударила м-ра Блума в поясницу.

— Простите, сказал Дж. Дж. О'Моллой входя.

М-р Блум проворно отодвинулся.

— Ничего, пожалуйста, сказал он.

— Добрый день, Джэк.

— Входите, входите.

— Добрый день.

— Как поживаете, Дедалус?

— Ничего. А вы?

Дж. Дж. О'Моллой покачал головой.

ГРУСТНО

В свое время был самым способным среди молодых адвокатов. Чахоточный, бедняга. Этот лихорадочный румянец — начало конца. Висит на волоске. Каким ветром его принесло, хотел бы я знать. Деньги нужны.

— *Или же взберемся на сомкнутые тесным строем вершины.*

— Вы прекрасно выглядите.

— Что, редактора можно видеть? спросил Дж. Дж. О'Моллой, глядя на дверь кабинета.

— Еще бы, сказал профессор Мак-Хью. И видеть и слышать. Он в своем святилище с Ленехэном.

Дж. Дж. О'Моллой побрел к конторке и стал перелистывать розовые страницы комплекта.

Практики все меньше. Неудачник. Опустился. Стал играть. Долги чести. Пожинает бурю. Хороших клиентов имел, бывало, у Д. и Т. Фитцджеральдов. Носят парики, чтоб показать серое вещество. Выставляют мозги напоказ, как та статуя на кладбище. Кажется пишет статьи для *Экспресса* вместе с Габриелем Конрой. Начитанный суб'ект. Майлз Кроуфорд начинал в *Независимом*. Забавно, как все эти газетчики держат нос по ветру. Флюгеры. Одним духом и нашим и вашим. Не знаешь чему верить. Один поет хорошо, а другой еще лучше. Пишут для газет, так готовы друг другу глотку перервать, а потом как ни в чем не бывало. Не успеешь оглянуться, они уж друзья-приятели.

— Да послушайте вы ради всего святого, взмолился Нед Ламберт. *Или же взберемся на сомкнутые тесным строем вершины...*

— Болтология, раздраженно перебил профессор. Хватит с нас этой надутой галиматьи.

— *Вершины*, продолжал Нед Ламберт, *громоздящиеся все выше и выше, словно омывая наши души...*

— Язык бы он свой омыл, сказал м-р Дедалус. Господи спаси и помилуй. Ну и ну. И ему еще платят за это?

— *Наши души бесподобной панорамой просторов Ирландии, которая несмотря на прославленные прообразы в иных краях, кичащихся своей красотой, не имеет себе равных в чередовании раскидистых рощиц и волнистых долин и роскошных пастбищ, зеленых как весна, погруженных в прозрачное и призрачное мерцание наших мягких таинственных ирландских сумерек...*

ЕГО РОДНОЙ ДИАЛЕКТ

— А луна? сказал профессор Мак-Хью. Он забыл Гамлета.

— *Окутавших ширь и даль, и будем ждать, пока взойдет лучезарный диск луны, разливая повсюду свое серебряное сияние.*

— О, воскликнул м-р Дедалус со стоном отчаяния. Дерьмо в смятку. Хватит, Нед. Жизнь слишком коротка.

Он снял свой цилиндр, и раздраженно пыхтя в щетинистые усы, всей пятерней по валлийски взлохматил себе волосы.

Нед Ламберт отшвырнул газету клохча от восторга. Мгновение спустя хриплый лающий хохот взорвал небритое, в черных очках лицо профессора Мак-Хью.

— Сдобный Доу, закричал он.

КАК ГОВОРИЛ ВЕЗЕРЭП

Сейчас-то смешно видеть это черным по белому, а когда слушаешь такое, пожалуй развесишь уши. Пекарня у него была кажется. Потому его и прозвали Сдобный Доу. А гнездышко себе выстлал неплохо. Дочку выдает за этого типа из Налогового Управления, с автомобилем. Ловко подцепил. Приемы, открытый дом. Умеет вкусно накормить. Везерэп всегда говорил. Хочешь поймать — хватай за брюхо.

Дверь кабинета распахнулась толчком и багровое клювоносое лицо с хохлом вз'ерошенных перистых волос просунулось в комнату.

Наглые голубые глаза оглядели всех и крикливый голос спросил:

— Что тут такое?

— И вот вошел сам лже-барон, провозгласил профессор Мак-Хью.

— Подите вы к чорту, педагогус несчастный, сказал редактор вместо приветствия.

— Идем, Нед, сказал м-р Дедалус надевая цилиндр. После этого необходимо выпить.

— Выпить! воскликнул редактор. До обедни напитки не подаются.

— Что верно, то верно, сказал м-р Дедалус выходя. Пошли, Нед.

Нед Ламберт боком соскользнул со стола. Голубые глаза редактора наткнулись на лицо м-ра Блума, где блуждала тень улыбки.

— Вы с нами, Майлз? спросил Нед Ламберт.

УПОМИНАНИЕ О ВЕЛИКИХ БИТВАХ

— Добровольцы из северного Корка, воскликнул редактор, устремляясь к камину. Мы всегда побеждали. Северный Корк и испанские офицеры.

— Где это было, Майлз? спросил Нед Ламберт, задумчиво глядя на носки своих башмаков.

— В Охайо! гаркнул редактор.

— Верно, чорт побери, согласился Нед Ламберт.

Выходя он шепнул Дж. Дж. О'Моллою:

— Первая стадия delirium tremens[1] Прискорбный случай.

— Охайо! Высоким дискантом кукарекнуло его запрокинутое багровое лицо. Мой Охайо!

— Идеальный кретин, сказал профессор. Долгий, короткий и долгий.

О, АРФА ЭОЛОВА

Он вынул катушку вощеного шелка из жилетного кармана и, оторвав нитку, стал звонко дергать ее, сразу в двух местах просовывая между своими нечищенными зубами.

Бинг-банг, банг-банг.

М-р Блум, видя, что путь свободен, направился к двери кабинета.

— Разрешите на минутку, м-р Кроуфорд, сказал он. Мне только позвонить насчет об'явления.

Он вошел.

— Ну что с передовицей для вечернего выпуска, спросил профессор Мак-Хью, подойдя к редактору и тяжело опустив руку ему на плечо.

— Все будет в порядке, сказал Майлз Кроуфорд более спокойно. Не тревожьтесь. Хэлло, Джэк. Все в порядке.

— Добрый день, Майлз, сказал Дж. Дж. О'Моллой, выпуская из рук страницы, мягко упавшие на свое место в комплекте. Вы сегодня даете что-нибудь об этом Канадском мошенничестве?

За дверью трещал телефон.

— Двадцать восемь... Нет, двадцать... Два раза четыре... Да.

ОТГАДАЙТЕ ПОБЕДИТЕЛЯ

Ленехэн вышел из кабинета редактора с оттисками *Спорта*.

— Хотите знать наверняка кто возьмет Золотой кубок? спросил он. Скипетр под О. Мэдденом.

Он швырнул оттиски на стол.

Визг босоногих газетчиков в коридоре приблизился и дверь распахнулась настежь.

— Шш, сказал Ленехэн. Я слышу шам шугов.

Профессор Мак-Хью прошел через комнату и схватил за шиворот хнычущего мальчишку, в то время как остальные пустились наутек из коридора по лестнице вниз. Оттиски зашуршали на сквозняке, мягко взвились на воздух синие каракули и под столом опустились на землю.

— Это не я, сэр. Это меня тот длинный толкнул, сэр.

— Вышвырните его вон и закройте дверь, сказал редактор. Тут форменный ураган.

Ленехэн стал сгребать с полу оттиски ворча, когда ему пришлось нагнуться во второй раз.

— Дожидались экстренного с результатами скачек, сэр, сказал газетчик. Это Пат Фаррелл толкнул меня, сэр.

Он показал на две физиономии, заглядывавшие в дверь.

— Вот этот, сэр.

— Пошел вон отсюда, сердито сказал профессор Мак-Хью.

Он вытолкал мальчика и захлопнул дверь.

Дж. Дж. О'Моллой с шуршанием перелистывал комплект, бормоча, отыскивая.

— Продолжение на странице шестой, столбец четвертый.

— Да... Говорят из *Вечернего Телеграфа*, кричал м-р Блум в кабинете. Позовите пожалуйста хозяина... Да, *Телеграф*... Куда?... Ага... Какой аукционный зал?... Ага. Понимаю.... Хорошо, я его там найду.

ПРОИСХОДИТ СТОЛКНОВЕНИЕ

Звонок затрещал снова, когда он дал отбой. Он торопливо вошел и наткнулся на Ленехэна, который воевал со вторым оттиском.

— Pardon, monsieur сказал Ленехэн, на секунду ухватываясь за него и делая гримасу.

— Виноват, сказал м-р Блум, не пытаясь высвободиться. Я вас ушиб? Я очень тороплюсь.

— Колено, сказал Ленехэн.

Он состроил смешную рожу и захныкал, потирая колено:

— До смерти заживет.

— Простите, сказал м-р Блум.

Он подошел к двери и, приотворив ее, остановился. Дж. Дж. О'Моллой с шумом захлопнул тяжелый комплект. Звук двух пронзительных голосов, губной гармоники, раскатился по пустому коридору, со ступенек где примостились газетчики.

Мы Вексфордские ребята,
Сильны духом, крепки в драке.

ТЕ ЖЕ БЕЗ БЛУМА

— Я сейчас слетаю на Бэчелор-уок, сказал м-р Блум, насчет об'явления Клютчей. Хочу уладить это дело. Он у Диллона, мне сказали.

С минуту он нерешительно глядел на их лица. Редактор, который облокотился на камин, кулаком подперев голову, вдруг широким жестом простер руку.

— Иди, сказал он. Весь мир перед тобою.

— Я мигом вернусь, сказал м-р Блум, поспешно выходя.

ДЖ. ДЖ. О'Моллой взял из рук Ленехэна оттиски и стал читать их, дуя чтоб отделить один от другого, не говоря ни слова.

— Он добудет это об'явление, сказал профессор, глядя в окно сквозь очки в черной оправе. Посмотрите, как эти юные бездельники скачут за ним.

— Покажите. Где? закричал Ленехэн, бросаясь к окну.

УЛИЧНАЯ ПРОЦЕССИЯ

Оба, улыбаясь, глядели поверх занавески на вереницу мальчишек газетчиков, которые вприпрыжку шли по пятам за м-ром Блумом, белыми зигзагами на ветру, насмешливый змей, хвост из белых бабочек.

— Вот паршивец, смотрите, что он вытворяет у него за спиной, сказал Ленехэн, умереть можно. Ой, лопну! Передразнивает его плоскоступие, его походку. Чертенята.

Он быстро прошелся карикатурной мазуркой, скользя подошвами, мимо камина к Дж. Дж. О'Моллою, который положил оттиски в его вытянутые руки.

— В чем дело? сказал вздрогнув Майлз Кроуфорд. А где те двое?

— Кто? спросил професор, обернувшись. Пошли к Овалю, пропустить стаканчик. Пэдди Хупер тоже там, и Джэк Холл. Приехал вчера вечером.

— Что ж, пойдем и мы, сказал Майлз Кроуфорд. Где моя шляпа?

Он вприпрыжку пошел в кабинет, раздвинув полы пиджака назади и звеня ключами в заднем кармане. Потом они зазвенели в воздухе и о дерево стола, когда он запирал свои ящики.

— Дела у него недурны, сказал профессор Мак-Хью вполголоса.

— Кажется, да, пробормотал Дж. Дж. О'Моллой, в задумчивости вынимая портсигар, но не всегда то верно, что кажется. Кто спичками богат?

ТРУБКА МИРА

Он протянул портсигар профессору и сам взял папиросу. Ленехэн проворно чиркнул спичкой и по очереди дал им закурить. Дж. Дж. О'Моллой снова открыл портсигар и протянул ему.

— Merci вам, сказал Ленехэн, беря папиросу.

Редактор вышел из кабинета, в соломенной шляпе набекрень. Он продекламировал нараспев, сурово указывая пальцем на профессора Мак-Хью:

Тебя пленил имперский трон,
Тебя прельстила слава.

Профессор сделал гримасу, поджав свои длинные губы.

— Как дела, старый римлянин времен империи? сказал Майлз Кроуфорд.

Он взял папиросу из раскрытого портсигара.

Ленехэн, поднося ему зажженную спичку с грациозной поспешностью сказал:

— Внимание, слушайте новую загадку.

— Imperium Romanum, тихо сказал Дж. Дж. О'Моллой. Звучит благороднее, чем Британская или Брикстонская. Что за слово, шипит точно масло на сковороде.

Майлз Кроуфорд с силой выпустил первое облако дыма к потолку.

— Так оно и есть, сказал он. Масло это мы. Вы и я, все равно что масло на сковороде. У нас не больше шансов уцелеть, чем у снежка в пекле.

ВЕЛИЧИЕ БЫЛОЕ РИМА

— Погодите минутку, сказал профессор Мак-Хью, спокойно поднимая две когтистых лапы. Пусть не отвлекают нас слова, звучания слов. Речь идет о Риме, имперском, императорском, императивном.

Он высунул красноречивые руки из грязных обтрепанных манжет, выдерживая паузу.

— Какова была их цивилизация? Пространна, согласен, но презренна. Клоаки: канализация. Евреи в пустыне и на вершине горы говорили: *быть здесь нам назначено. Воздвигнем алтарь Иегове.* Римлянин, подобно англичанину, который идет по его стопам, на каждый новый берег, куда ступала его нога (на наш она никогда не ступала), приносил лишь свою клоакальную манию. Он оглядывался кругом, драпируясь в свою тогу и говорил: *Быть здесь нам назначено. Построим ватерклозет.*

— Что они и делали, сказал Ленехэн. Наши античные предки, как сказано в первой главе у Гиннесса, питали пристрастие к журчащей водичке.

— Они были прирожденными джентльменами, пробормотал Дж. Дж. О'Моллой. Но есть еще Римское право.

— И Понтий Пилат, пророк его, возгласил профессор Мак-Хью.

— Вы знаете эту историю о Поллзе, председателе суда казначейства? спросил Дж. Дж. О'Моллой. Это было на обеде в Королевском университете. Все шло как по маслу...

— Сначала моя загадка, сказал Ленехэн. Вы готовы?

М-р О'Мэдден Бэрк, высокий, в элегантном донегальском маренго, вошел из коридора. Позади него Стефен Дедалус снял шляпу входя.

— Entrez es enfants, крикнул Ленехэн.

— Я сопровождаю просителя, сказал М-р О'Медден Бэрк певуче. Юность, ведомая Мудростью, в гостях у Гласности.

— Здравствуйте, сказал редактор, протягивая руку. Входите. Ваш родитель только что ушел.

???

Ленехэн сказал, обращаясь ко всем:

— Внимание! Когда девушка похожа на соломенную шляпку? Подумайте, взвесьте, догадайтесь, отвечайте.

Стефен протянул отпечатанные на машинке листки, указывая на заглавие и подпись.

— Кто? спросил редактор

Оторван конец.

— М-р Гаррет Дизи, сказал Стефен.

— Этот старый скряга, сказал редактор. А кто оторвал? Что ему, приспичило?

В алом огне парусов
Сквозь туч нависший грот
Идет он, бледный вампир,
Впиться в мой слабый рот.

— Добрый день, Стефен, сказал профессор, подходя и заглядывая через плечо. Ящур. Уж не сделались ли вы?..

Бард-благодетель-быков.

СКАНДАЛ В ФЕШЕНЕБЕЛЬНОМ РЕСТОРАНЕ

— Добрый день, сэр, ответил Стефен, краснея. Это не я писал. М-р Гаррет Дизи просил меня...

— А, я его знаю, сказал Майлз Кроуфорд, и жену его знал. Мир не видал другой такой старой ведьмы. Вот уж у кого наверное ящур был. Как она тогда выплеснула весь суп в лицо официанту в Звезде и Подвязке. Ого!

Через женщину грех вошел в мир. Из-за Елены, беглой жены Менелая, десять лет греки. О'Рурк, принц Бреффни.

— Он вдовец? спросил Стефен.

— Соломенный, сказал Майлз Кроуфорд, пробегая глазами рукопись Императорские лошади. Габсбург. Ирландец спас ему жизнь на городском валу в Вене. Не забывайте. Максимилиан Карл О'Доннелл, граф фон-Тирконнель в Ирландии. Послал своего наследника, чтоб передать королю звание австрийского фельдмаршала. Рано или поздно, там возникнут осложнения. Перелетные птицы. Можно ждать в любой час. Не забывайте об этом.

— Не забыл ли он сам об этом, вот в чем вопрос, сказал спокойно Дж. Дж. О'Моллой, вертя в руках подкову-пресс-папье. Спасать коронованных особ значит работать за спасибо.

Профессор Мак-Хью повернулся к нему.

— А если забыл? сказал он.

— Я вам расскажу как было дело, начал Майлз Кроуфорд. Один венгерец как-то раз...

ПРОИГРАННОЕ ДЕЛО

УПОМЯНУТО ИМЯ БЛАГОРОДНОГО МАРКИЗА

— Мы всегда были верны проигранному делу, сказал профессор. Успех, это для нас гибель интеллекта и воображения. Мы никогда не были верны победившим. Мы им служим. Я преподаю блеющую латынь. Я говорю на языке расы, квинтэссенция сознания которой это изречение: время—деньги. Материальное господство. Господи! Dominus! А где духовность? Господь Иисус! Господин лорд Сэлисбэри! Диван в вестэндском клубе. Зато греческий!

KYRIE ELEISON[1]

Улыбка света озарила его темнооправленные глаза, удлинила его длинные губы.

— Греческий, сказал он снова. Kyrios! Сверкающее слово. Гласные, которых не знают семиты и саксы. Kyrie! Излучения интеллекта. Мне бы нужно преподавать греческий, язык разума. Kyrie eleison! Никогда клозетоделам и клоакоделам не быть господами нашего духа. Мы вассалы католического рыцарства Европы, которое пало при Трафальгаре, империи духа — не imperium — которая погибла вместе с афинским флотом у Эгоспотамоса. Да, да. Они погибли. Пирр, обманутый оракулом, сделал последнюю попытку вернуть Греции ее счастливый жребий. Верный проигранному делу.

Он зашагал от них к окну.

— Они шли в бой, сказал м-р О'Мэдден Бэрк тускло, но они всегда погибали.

— Ой-ой-ой, заплакал Ленехэн негромко. От кирпича в голову во втором отделении matinée[2]. Бедный, бедный, бедный Пирр.

1 Господи помилуй (греч.).
2 Утренник (фр.).

Он прошептал затем у самого уха Стефена:

ЛИМЕРИК ЛЕНЕХЭНА

Наш мудрец знаменитый Мак-Хью
Вечно в черных очках на носу,
Их не снимет он никогда
Хоть не видит в них ни черта.
Так что ж пользы от них? И к чему?

В трауре по Саллюстию, говорит Маллиган. У которого подохла мать.

Майлз Кроуфорд сунул скомканные листки в боковой карман.

— Все будет в порядке, сказал он. Дочитаю после. Все будет в порядке.

Ленехэн вытянул руки в знак протеста.

— А моя загадка, сказал он. Когда девушка похожа на соломенную шляпку?

— Девушка? Сфинксоподобное лицо м-ра О'Мэдден Бэрк озагадочилось.

Ленехэн радостно об'явил:

— Когда она совершеннолетняя. Понятно, в чем соль? Совершенно летняя. Ага!

Он легонько ткнул м-ра О'Мэддена Бэрк под ребро. М-р О'Мэдден Бэрк грациозно пошатнулся и с изяществом оперся на свой зонтик, притворяясь, что ему дурно.

— Помогите, вздохнул он. Я чувствую сильную слабость.

Ленехэн, поднявшись на цыпочки, стал быстро обмахивать его лицо шуршащими оттисками.

Профессор, на обратном пути проходя мимо комплектов, провел рукой по свободно повязанным галстукам Стефена и м-ра О'Мэдден Бэрк.

— Париж вчера и сегодня, сказал он. Вы похожи на коммунаров.

— На тех молодчиков, что разрушили Бастилию, сказал Дж. Дж. О'Моллой с спокойной насмешкой. Или может быть это вы на пару прикончили генерал-губернатора Финляндии? Вид у вас такой, словно это ваших рук дело. Генерала Бобрикова.

ВСЯКОЙ ТВАРИ ПО ПАРЕ

— Мы только собирались это сделать, сказал Стефен.

— Сбор всех талантов, сказал Майлз Кроуфорд, право, классика...

— Спорт, вставил Ленехэн.

— Литература, печать.

— Еще Блума бы сюда, сказал профессор. Благородное искусство рекламы.

— И мадам Блум, добавил м-р О'Мэдден Бэрк. Муза вокального искусства. Первая фаворитка Дублина.

Ленехэн громко закашлялся.

— Э-хм! сказал он вполголоса. Ах, воздух свежего глотка. Простудился в парке. Ворота были открыты.

«ВЫ МОЖЕТЕ ЭТО СДЕЛАТЬ

Редактор положил нервную руку Стефену на плечо.

— Я хочу, чтобы вы что-нибудь для меня написали. Что-нибудь такое, с изюминкой. Вы можете это сделать. Я вижу по вашему лицу. *На языке юности...*

Вижу по вашему лицу. Вижу по вашим глазам. Ленивый праздный интриганишка.

— Ящур! воскликнул редактор с презрительным укором. Большой митинг националистов в Боррис-ин-Оссори. Чушь. Нагоняют сон на читателей. Дайте им что-нибудь с изюминкой. Выведите всех нас, чорт возьми. Отца, сына и святого духа и Джэйка Мак Карти.

— Мы все снабжаем его духовной пищей, сказал м-р О'Мэдден Бэрк.

Стефен поднял глаза навстречу наглому внимательному взгляду.

— Он хочет завербовать вас в журналистскую банду, сказал Дж. Дж. О'Моллой.

ВЕЛИКИЙ ГАЛЛАХЕР

— Вы можете это сделать, повторил Майлз Кроуфорд, выразительно сжав ему руку. Погодите минутку. Мы парализуем Европу, как говорил, бывало, Игнатиус Галлахер, когда он был биллиардным маркером у Клэренса. Галлахер, вот это был всем журналистам журналист. Это было перо. Знаете, как он сделал карьеру? Я вам расскажу. Это был самый блестящий журналистский трюк в мире. Это было в восемьдесят первом году, шестого мая, во времена Непобедимых, убийство в Феникс-парке, вас тогда еще на свете не было, вероятно. Я вам сейчас покажу.

Он помчался мимо них к комплектам.

— Глядите сюда, сказал он, обернувшись. *Нью-Йорк Уорлд* запросил по кабелю для экстреннего. Помните?

Профессор Мак-Хью кивнул.

— *Нью-Йорк Уорлд*, сказал редактор, возбужденно сдвигая на затылок свою соломенную шляпу. Где произошло убийство. Тим Келли, то есть я хотел сказать, Каванах. Джо Брэди и все прочие. Где ехал Козлиная Шкура со своей повозкой. Весь маршрут, понимаете?

— Козлиная Шкура, сказал м-р О'Мэдден Бэрк. Фицгаррис. Говорят, это он содержит извозчичий двор у Бэттбридж. Я слышал это от Холохэна. Знаете Холохэна?

— Тот самый, хромуля под мухой, да? спросил Майлз Кроуфорд.

— И Гэмли, бедняга, тоже там, говорят. Он охраняет городские каменоломни. Ночной сторож.

Стефен повернулся, изумленный.

— Гэмли? сказал он. Да не может быть. Гэмли, друг моего отца?

— Да бросьте вы Гэмли, сердито крикнул Майлз Кроуфорд. Пусть Гэмли занимается своими камнями, смотрит чтоб они не сбежали. Глядите сюда. Что же сделал Игнатиус Галлахер? А вот я вам скажу. Гениальная идея. Немедленно телеграфировал. Найдите еженедельник Фримэна от 17 марта. Так. Нашли?

Он перелистал несколько страниц комплекта и ткнул пальцем в какую-то точку.

— Возьмите страницу четвертую, объявление о кофе Брэнсома, скажем. Нашли? Так.

Затрещал телефон.

ГОЛОС ИЗДАЛЕКА

— Я подойду, сказал профессор, выходя.

— Б — ворота парка. Так.

Его палец перескакивал из точки в точку и, нажимая, вибрировал.

— Т — дворец вице-короля. С — место, где произошло убийство. К — Нокмэрун-гэйт.

Отвислая складка его шеи тряслась как сережка у петуха. Плохо накрахмаленная манишка выбилась из жилета и

он резким движением заправил ее на место.

— Алло! Вечерний телеграф... Алло!.. Кто говорит? Да... Да...

— От Ф до П — путь, проделанный Козлиной Шкурой в повозке, чтобы обеспечить алиби. Инчикор, Раундтаун, Гавань Ветров, Палмерстон-Парк, Рэнелах. Ф. А. Б. П. Нашли? Х — пивная Дэви на верхней Лизон-Стрит.

Профессор показался в дверях кабинета.

— Это Блум, сказал он.

— Пошлите его к чорту, живо сказал редактор. Значит, Х — пивная Бэрка, понимаете?

ХИТРО, ОЧЕНЬ

— Выложил им как на блюдечке, сказал Майлз Кроуфорд, всю жуткую историю.

Кошмар, от которого ты никогда не пробудишься.

— Я сам видел, с гордостью сказал редактор. Я был при этом. Дик Адамс, самая, чорт подери, добрая душа, когда-либо родившаяся в Корке, и я.

Ленехэн отвесил поклон в пространство, об'явив:

— Дама, я Адам. И я иду с мечом судии.

— История! воскликнул Майлз Кроуфорд. Старуха с Принц-Стрит прибежала туда первая. Стон и скрежет зубовный поднялся там из-за этого. С помощью об'явления. Чертеж делал Грегор Грей. С тех пор он и пошел в гору. Потом Падди Хупер обработал Тэй Пэя, и тот его взял в *Звезду*. А теперь он у Блуменфельда. Вот это журналист. Это талант. Пьятт! Вот от кого они все пошли.

— Отец сенсационного журнализма, подтвердил Ленехэн, и шурин Криса Каллинана.

— Алло!.. Вы слушаете?.. Да, он еще здесь. Идите сами сюда.

— Где вы теперь найдете таких журналистов? воскликнул редактор.

Он с силой захлопнул комплект.

— Хитро придумано, сказал Ленехэн м-ру О'Мэдден Бэрк.

— Очень остроумно, сказал м-р О'Мэдден Бэрк.

Профессор Мак-Хью вышел из кабинета.

— Кстати о Непобедимых, сказал он, заметили вы, что к суду притянули несколько разносчиков...

— Да, да, с живостью сказал Дж. Дж. О'Моллой. Лэди Дэдлей шла парком домой, чтобы посмотреть на те деревья, что в прошлом году повалил циклон, и ей захотелось купить вид Дублина. А это оказалась открытка в память подвигов Джо Брэди или Номера Первого или Козлиной Шкуры. У самого вице-королевского дворца, подумайте!

— Только и годятся теперь, что для отдела смеси, сказал Майлз Кроуфорд. Пша! Печать, адвокатура! Где вы найдете теперь таких адвокатов, как Уайтсайд, как Айзэк Бэтт, как золотоустый О'Хаган? А? А теперь что? Только для галерки.

Его рот продолжал безмолвно корчиться в нервной гримасе презрения.

Кто захочет к этому рту своим поцелуем? Как знать. А зачем тогда ты об этом писал?

РИФМЫ И РЕЗОНЫ

Грот, рот. Разве грот это рот чей нибудь? Или рот — грот? Как-то так. Грот, пот, от, флот, крот. Рифмы: два человека одинаково одетых, одинаковых по виду, по два.

. . . . la tua pace
. . . . chè parlar ti piace
. . mentrechil vento, come fa si tace

Он видел, как по три приближались девушки, в зеленом, в розовом, в ржавом, сплетаясь, per l'aer perso[4], в лиловом, в пурпурном quella pacifica oriafiamma[5], в золоте орифламмы, di rimirar fè più ardenti[6]. А я, старики, кающиеся, свинцовоногие под ночепокровом тьмы: — рот грот, утроба гроба.

— По себе не судите, сказал м-р О'Мэдден Бэрк.

ДОВЛЕЕТ ДНЕВИ...

Дж. Дж. О'Моллой, бледно улыбаясь, принял вызов.

1 твой покой
2 чей говор тебе нравится
3 В то время как ветер молчит
4 Через темный воздух
5 Эта мирная орифлямма
6 Впилась еще более пламенно (ит.).

— Дорогой мой Майлз, сказал он, отбросив папиросу. Вы ложно истолковали мои слова. Я не собираюсь выступать, так как это теперь не принято, в защиту третьей профессии как таковой, но ваше Коркское воображение заводит вас слишком далеко. Почему не упомянуть еще и Генри Граттана и Флуда, и Демосфена и Эдмунда Бэрка? Все мы знаем Игнатиуса Галлахера и его хозяина из Чэпелизода, Хармворта грошевых изданий, и его американских родичей из бульварных листков Бауэри, не говоря уже о *Бюджете Пэдди Келли*, *Новостях Пю* и о нашем бдительном друге, *Скиберинском Орле*. Зачем приплетать сюда такого мастера судебного красноречия, как Уайтсайд? Довлеет дневи газета его.

ЧТО ВОЗВРАЩАЕТ НАС К ДАВНО МИНУВШИМ ДНЯМ

— Граттан и Флуд писали для этой самой газеты, крикнул ему в лицо редактор. Ирландские волонтеры! Теперь не то! Основана в 1736 году. Д-р Лукас. Кого вы поставите теперь на одну доску с Джоном Фильпотом Кэрран? Пша!

— Кого? сказал Дж. Дж. О'Моллой. Хотя бы Буша из Королевского Совета.

— Буш? сказал редактор. Что ж, пожалуй, Буш, пожалуй. В нем еще осталась старая закваска. Кендаль Буш, то есть я хотел сказать, Сеймур Буш.

— Он давно уже надел бы судейскую мантию, сказал профессор Мак-Хью, если бы не... Впрочем это неважно.

Дж. Дж. О'Моллой обернулся к Стефену и сказал спокойно и медленно:

— Один из самых стройных периодов, которые я когда-либо в жизни слыхал, был произнесен устами Сеймура Буша. Это было на том процессе о братоубийстве, процессе Чайлдса. Буш его защищал.

И тихо влил в преддверия ушей.

Между прочим, откуда он мог знать это? Он умер во сне. Или то, другое, с животным о двух спинах?

— А что за период? спросил профессор.

ITALIA, MAGISTRA ARTIUM

Он говорил про положение о судебных доказательствах Римского права, сказал Дж. Дж. О'Моллой, противопоставляя его более древнему Моисееву кодексу, lex talionis[1]. И он упомянул о Моисее Микельанджело в Ватикане.

— А-а!

— Несколько хорошо подобранных слов, предварил Ленехэн. Внимание!

Пауза. Дж. Дж. О'Моллой вынул свой портсигар.

Ложная тревога. Что нибудь совсем обыкновенное.

Вестник в раздумьи вынул спички и закурил свою сигару.

Я не раз впоследствии думал, оглядываясь назад на то странное время, что именно это ничтожное действие, такое обыденное само по себе, это чирканье спички, определило всю дальнейшую жизнь обоих нас.

СТРОЙНЫЙ ПЕРИОД

Дж. Дж. О'Моллой заговорил, чеканя слова:

— Он сказал о нем: *Подобное застывшей музыке, рогатое и страшное изваяние божественного образа человека, непреходящий символ вещей мудрости — если когда-нибудь фантазия или рука художника, духовно преображенная и преображающая, высекала из мрамора творение, достойное бессмертия, оно достойно бессмертия.*

Его тонкая рука грациозным движением отметила подхват и падение.

— Прекрасно, сейчас же сказал Майлз Кроуфорд.

— Божественное вдохновение, сказал м-р О'Мэдден Бэрк.

— Вам нравится? спросил Дж. Дж. О'Моллой Стефена.

Стефен, чью кровь заворожила грация фразы и жеста, покраснел. Он взял из портсигара папиросу. Дж. Дж. О'Моллой протянул портсигар Майлзу Кроуфорду. Ленехэн как и прежде дал всем закурить и взял себе обычную дань, говоря:

— Премногибус благодарнибус.

ЧЕЛОВЕК ВЫСОКОЙ НРАВСТВЕННОСТИ

— Профессор Мадженнис говорил мне о вас, сказал Дж. Дж. О'Моллой

1 Право на месть (лат.).

Стефену. Какого вы собственно мнения об этой герметической компании, о поэтах Опалового Безмолвия: А. Е., мастер мистик? Это Блаватская, с нее все и началось. Она была неисчерпаемым кладезем всяких фокусов. А. Е., давая интервью какому-то янки, говорил, что вы однажды пришли к нему на рассвете расспросить о планах сознания. Мадженнис думает, что вы хотели позабавиться на его счет. Это человек высокой нравственности, Мадженнис.

Говорил обо мне. Что он сказал? Что он сказал? Что он сказал обо мне? Не спрашивай.

— Нет, благодарю вас, сказал профессор Мак-Хью, отстраняя портсигар. Погодите-ка. Послушайте, что я вам скажу. Самый замечательный образец ораторского искусства, какой я только слышал, это речь Джона Тэйлора в университетском историческом обществе. Выступал судья Фицгиббон, теперь председатель апеляционного суда, шло обсуждение работы, написанной (в те дни это еще было ново) в защиту возрождения ирландского языка.

Он повернулся к Майлзу Кроуфорду и сказал.

— Вы знаете Джеральда Фицгиббона. Так что можете представить себе стиль его речи.

— Ходят слухи, сказал Дж. Дж. О'Моллой, что он сидит с Тимом Хили в Административной комиссии Тринити Колледж.

— Он сидит с миленьким созданием в детском платьице, сказал Майлз Кроуфорд. Ну ладно. Дальше?

— Заметьте, это была речь, сказал профессор, законченного оратора, полная изысканно вежливого высокомерия и безукоризненным слогом изливавшая потоки, не скажу ярости, но горделивого презрения на новое веяние. Тогда это было новое веяние. Мы были в то время слабы и следовательно немногого стоили.

Он на мгновение сжал свои длинные тонкие губы, но горя желанием продолжать, поднес раскрытую ладонь к носу и дрожащими большим и безымянным пальцами, слегка прикоснувшись к черной оправе, поправил очки.

ЭКСПРОМТ

Праздничным тоном он обратился к Дж. Дж. О'Моллою.

— Тэйлор явился туда, нужно вам сказать, больной, с постели. Не думаю, чтобы он заранее приготовил свою речь, так как в зале не было ни одной стенографистки. Его темное худое лицо обросло щетиной. Галстух его был свободно повязан и вообще он казался (хотя это и не было так) умирающим.

Его взгляд сразу, но медленно перешел с лица Дж. Дж. О'Моллоя на лицо Стефена и потом сразу опустился вниз, ища слова. Его тусклый полотняный воротничок показался позади его склоненной головы, грязный от редеющих волос. Продолжая искать, он сказал:

— Когда речь Фицгиббона была окончена, Джон Ф. Тэйлор поднялся, чтобы отвечать. Вкратце, насколько я могу сейчас припомнить, его слова были таковы.

Он уверенно поднял голову. Его глаза все еще припоминали. Неразумные моллюски плавали в толстых линзах взад и вперед, ища выхода.

Он начал.

— Господин председатель, лэди и джентльмены! Велико было мое восхищение, когда, несколько минут тому назад, я слушал замечания моего ученого друга, обращенные к ирландской молодежи. Мне казалось, что я перенесся в страну, далекую от нашей страны, в эпоху, отдаленную от нашей эпохи, что я нахожусь в древнем Египте и что я слушаю речь верховного жреца, обращенную к юному Моисею.

Его слушатели держали в руках недокуренные папиросы, их дым поднимался хрупкими стеблями фимиама, расцветавшими от его речи. *Наш фимиам от алтарей священных.* Сейчас услышишь благородные слова. Внимание. А не попробовать ли и тебе то же?

— И мне казалось, что я слышу этого египетского жреца, возвысившего свой голос столь же надменно и столь же горделиво. Я слышал его слова, и значение их открылось мне.

ИЗ ОТЦОВ ЦЕРКВИ

Мне открылось, что хорошо и вместе с тем испорчено может быть лишь то,

что, будь оно слишком хорошо или не будь хорошо вовсе, не могло бы быть испорчено. Ах, чорт! Это же св. Августин.

— Отчего не хотите вы, иудеи, принять нашу веру, нашу религию и наш язык? Вы — племя кочующих пастухов; мы — могущественный народ. У вас нет ни городов, ни богатств; наши города — муравейники, кишащие людьми, а наши галеры, триремы и квадриремы, нагруженные всеми возможными товарами, бороздят моря земного шара. Вы едва вышли из первобытного состояния; у нас есть литература, каста жрецов, многовековая история и государственное устройство.

Нил.

Дитя, муж, изваяние.

На берегах Нила — женщины на коленях, тростниковая колыбель; муж искусный в бою; камнерогий, камнебородый, сердце из камня.

— Вы поклоняетесь темному безвестному кумиру; в наших храмах, величественных и таинственных, обитают Изида и Озирис, Горус и Аммон Ра. Ваш удел — рабство, страх и унижения; наш — владычество над громами и морями. Израиль слаб, и малочисленны его сыны; Египет — несметное воинство, и грозно его оружие. Скитальцами и поденщиками называют вас; мир трепещет при звуке нашего имени.

Сдавленная голодная отрыжка подсекла его речь. Покрывая ее, он смело возвысил голос.

— Но, лэди и джентльмены, если бы юный Моисей внял и принял эту точку зрения, если бы он склонил свою голову и склонил свою волю и склонил свой дух перед этим надменным поучением, он никогда не вывел бы избранный народ из дома рабства и не шел бы за облачным столпом. Он никогда не говорил бы с предвечным среди сверкания молний на вершине Синая и не сошел бы со светом вдохновения на челе, неся в руках скрижали закона начертанного на языке стоящих вне закона.

Он умолк и посмотрел на них, наслаждаясь их молчанием.

НЕДОБРЫЙ ЗНАК—ДЛЯ НЕГО

Дж. Дж. О'Моллой сказал не без сожаления:

— И все же он умер, не войдя в землю обетованную.

— Внезапно - безвременно - хотя - и - после - продолжительной - и - тяжкой болезни-последовавшая-кончина, сказал Ленехэн, а ведь с большим будущим позади.

Стремительный топот босоногой команды послышался в коридоре и потом на лестнице.

— Вот это ораторское искусство, сказал профессор, не встретив возражений.

Слова на ветер. Скопища в Муллагмастере и Тара королей. Бесконечные мили преддверий ушей. Слова трибуна, провозглашенные и развеянные по ветру. Голос, вместивший в себе весь народ. Мертвый шум. Акаша-хроника[1] все, что когда-либо где-либо было. Хвалят и славят его: уже не меня.

У меня есть деньги.

— Господа, сказал Стефен, вношу предложение к порядку дня, не отложить ли нам заседание палаты?

— Не нахожу слов для выражения признательности. Это, случайно, не французский оборот? спросил м-р О'Медден Бэрк. Сдается мне, настал тот час, когда кувшин с вином, выражаясь метафорически, сулит особенные радости в таверне Доброе Старое Время.

— Да будет так, и тем самым решительно разрешено. Все кто за, говорят да, об'явил Ленехэн. Кто против — нет. Предложение принято. А теперь, в какое именно злачное место?.. Я голосую за Муни.

Он открыл шествие, увещевая.

— Мы категорическим образом отказываемся от крепких напитков, неправда ли? Безусловно неправда. Ни в малой мере.

М-р О'Мэдден Бэрк, следуя за ним, дружественно ткнул его зонтиком.

— Рази, Макдуфф!

— Яблочко от яблони недалеко падает! воскликнул редактор, хлопнув Сте-

[1] Термин индусской философии.

фена по плечу. Пошли. Где эти чортовы ключи?

Он порылся в карманах, вытащив смятые листки.

— Ящур. Знаю, знаю. Будет в порядке. Пойдет. Где же они? Ага, все в порядке.

Он засунул листки обратно и вошел в кабинет.

БУДЕМ НАДЕЯТЬСЯ

Дж. Дж. О'Моллой, собираясь итти за ним, сказал Стефену спокойно:

— Надеюсь, вы доживете до того времени, когда это будет напечатано. Майлз, на одну минутку.

Он вошел в кабинет, притворив за собой дверь.

— Идемте, Стефен, сказал профессор. А ведь правда хорошо? Видение пророка. Fuit Ilium[1]. Разгром Трои, города ветров. Царства этого мира. Властители Средиземья теперь обратились в феллахов.

Первый газетчик кубарем скатился с лестницы за ними следом, и вылетел на улицу, вопя:

— Экстренный выпуск результаты скачек!

Дублин. Я многому, многому должен учиться.

Они свернули влево на Эбби-стрит.

— Предо мной тоже встает видение, сказал Стефен.

— Да, сказал профессор, перескакивая, чтобы попасть в ногу. Кроуфорд сейчас нас догонит.

Другой газетчик промчался мимо них, вопя на-бегу:

— Экстренный выпуск!

ДОРОГОЙ, ДРЯННОЙ ДУБЛИН

Дублинцы.

— Две дублинские весталки, сказал Стефен, набожные и немолодые, прожили пятьдесят и пятьдесят три года на Фамбаллис-лэйн.

— Где это такое? спросил профессор.

— За Блэкпиттсом.

Сырая ночь, пахнущая голодной опарой. У стены. Лицо, сально поблескивающее под байковым платком. Не истовые сердца. Акаша-хроника. Ско рей, милый.

Дальше. Посмей. Да будет жизнь.

— Им хочется полюбоваться видо на Дублин с высоты колонны Нельсона. Они скопили три шиллинг десять пенсов в копилке — почтово ящике из красной жести. Они вытрях вают трехпенсовые монеты и один ше стипенсовик и ножиком выковыриваю мелочь. Два шиллинга три пенса сереб ром, один семь медью. Они надеваю шляпки, праздничные платья и берут собой зонтики на случай, если пойде дождь.

— Мудрые девы, сказал профессо Мак-Хью.

КАРТИНА С НАТУРЫ

— Они покупают на четыре пенс грудинки и четыре ломтика свежег хлеба в ресторанчике на Марлборо стрит, у мисс Кэйт Коллинс, влад лицы... Они выбирают двадцать четыр спелые сливы ренклод у девочки воз колонны Нельсона, потому что пос грудинки захочется пить. Они отдаю две трехпенсовые монетки джентльм ну у турникета и медленно начинаю ковылять вверх по винтовой лестни ворча, подбодряя друг друга, напуга ные темнотой, задыхаясь, спрашива друг друга грудинка у вас, славя госп да и пречистую деву, грозясь спусти ся не дойдя доверху, выглядывая в ве тиляционные щели. Преблагий госпо Им и в голову не приходило, что э так высоко.

Их зовут Энн Кирнс и Флоренс Ма Кэйб. Энн Кирнс страдает ломотой пояснице и лечится лурдской водой, к торую ей дала одна дама, получивш полную бутылку от знакомого свяще ника. Флоренс Мак-Кэйб по суббот ужинает жареной свининой, запивая бутылочкой пива.

— Антитеза, сказал профессор, два ды кивнув. Девственные весталки. Я т и вижу их. Что задержало нашего д га?

Он обернулся. Стадо мальчишек зетчиков галопом неслось вниз по с пеням лестницы, галопом в раз стороны, вопя, размахивая белеющи газетами. Следом за ними Майлз Кроуфорд показался на ступенях, разговаривая с Дж. Дж. О'Моллоем, шляпа ореолом вокруг багрового лица.

— Идем же, крикнул профессор, махая рукой.

Он снова зашагал бок-о-бок со Стефеном.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУМА

— Да, сказал он. Я вижу их.

М-р Блум, запыхавшийся, подхваченный вихрем неистовствующих газетчиков перед зданием *Ирландского католика* и *Дублин-пенни-журнала,* крикнул.

— М-р Кроуфорд! Минуточку.

— Экстренный *Телеграф!* Результаты скачек!

— В чем дело? спросил Майлз Кроуфорд, делая шаг назад.

Мальчишка газетчик выкрикнул в лицо м-ру Блуму.

— Жуткая драма в Рэтмайнз. Ребенка убило кочергой.

БЕСЕДА С РЕДАКТОРОМ

— Насчет этого об'явления, сказал м-р Блум, проталкиваясь к ступеням, отдуваясь и вытаскивая из кармана газетную вырезку. Я только что говорил с м-ром Клютчей. Он даст продление на два месяца. Говорит, потом видно будет. Но он еще хочет заметочку в *Телеграфе,* в субботнем приложении, чтобы привлечь внимание. И он хочет если еще не поздно, я советнику Наннети говорил, как в *Килкеннийском Гражданине.* Я могу достать в Национальной библиотеке. Дом Ключей. Понимаете? Его фамилия Клютчей. Получается игра слов. Но он почти обещал дать продление. Только нужно подать это как следует. Так что же мне сказать ему, м-р Кроуфорд?

П. М. З.

— Скажите ему, пусть поцелует меня в зад, сказал Майлз Кроуфорд, выразительно выбрасывая вперед руку. И скажите ему это, не откладывая в долгий ящик.

Не в духе. Берегись бури. Выпить все отправились. Идут под ручку. Капитанка Ленехэна позади: норовит примазаться на даровщинку. Обычная трепатня. Должно быть молодой Дедалус тут первая скрипка. В приличных ботинках сегодня. А прошлый раз у него башмаки каши просили. Ходил где-нибудь по грязи. Неряха. Что он делал в Айриштауне?

— Собственно говоря, сказал м-р Блум, переводя взгляд на редактора, если я достану рисунок, стоит дать несколько строк текста, он согласится продлить, я уверен. Я скажу ему...

П. М. И. К. З.

— Пусть поцелует мой ирландский королевский зад, громко крикнул Майлз Кроуфорд через плечо, в любое время, так и передайте.

Пока м-р Блум стоял, взвешивая доводы и готовый улыбнуться, редактор порывисто зашагал вперед.

НА МЕЛИ

— Nulla bona[1], Джек, сказал он, поднося руку к подбородку. Я сам вот до этих пор в долгах. Сижу на мели. Не далее как на прошлой неделе я искал поручителя, чтобы выдать вексель. Будь у меня хоть малейшая возможность. Очень сожалею, Джэк. От всей души, если б только знал у кого достать.

У Дж. Дж. О'Моллоя вытянулось лицо, и он шел молча. Они нагнали остальных и пошли рядом.

— Доев грудинку и хлеб и вытерев все двадцать пальцев о бумагу, в которую был завернут хлеб, они подходят к перилам.

— Специально для вас, об'яснил профессор Майлзу Кроуфорду. Две дублинских старушки на верхушке колонны Нельсона.

ВОТ ЭТО КОЛОННА — СКАЗАЛА КАРГА НОМЕР ПЕРВЫЙ

— Тоже новость, сказал Майлз Кроуфорд. Кто ж этого не знает? Отправились в паноптикум Даргль. Две старые ведьмы, ну а дальше что?

[1] Был Илион

[1] Ничего хорошего (лат.)

— Но они боятся, что колонна упадет, продолжал Стефен. Они разглядывают крыши и спорят о том, где какая церковь: синий купол Рэтмайнз, Адама и Евы, св. Лаврентий О'Тул. Но у них начинает кружиться голова, поэтому они поднимают подолы...

СЛЕГКА ФРИВОЛЬНЫЕ ОСОБЫ ЖЕНСКОГО ПОЛА

— Но-но, сказал Майлз Кроуфорд. Никаких поэтических вольностей. Мы находимся в архиепархии.

— И усевшись на свои полосатые нижние юбки, они посматривают вверх, на статую однорукого прелюбодея.

— Однорукий прелюбодей! воскликнул профессор. Это мне нравится. Понимаю в чем тут дело. Понимаю, что вы хотите сказать.

ДАМЫ ДАРЯТ ДУБЛИНСКИМ ЖИТЕЛЯМ НЕЧТО ПОХОЖЕЕ НА СВЕРХСКОРОСТНЫЕ АЭРОПЛАНЫ

От этого у них сводит шею, сказал Стефен, и они так устали, что не хотят смотреть ни вниз, ни вверх, ни даже разговаривать. Они кладут посередине пакетик со сливами, и одну за другой съедают все сливы, отирая носовым платком сок, который течет у них по губам, и неторопливо сплевывая косточки между прутьями перил.

В заключение он залился внезапным громким молодым смехом.

Ленехэн и м-р О'Мэдден Бэрк, услышав, оглянулись, поманили их рукой и повернули по направлению к Муни.

— Все? спросил Майлз Кроуфорд. Слава богу, что ничего похуже не было.

УДАРОМ ПО СОПАТКЕ СОФИСТ ЗАСТАВЛЯЕТ ЗАТКНУТЬСЯ НАДМЕННУЮ ЕЛЕНУ. В СПАРТЕ СКРЕЖЕТ ЗУБОВНЫЙ. В ИТАКЕ ПОБЕДА ПРИЗНАНА ЗА ПЕНЕЛОПОЙ

— Вы мне напоминаете Антисфена, сказал профессор, ученика софиста Горгия. Говорят, что никто не мог понять, на кого он больше озлоблен, на других или на самого себя. Он был сыном знатного афинянина и рабыни. И он написал книгу, в которой отня пальму первенства у аргивянки Елены и отдал ее бедной Пенелопе.

Бедная Пенелопа. Пенелопа Рич.

Они приготовились перейти на другую сторону О'Коннелл-стрит.

АЛЛО, ЦЕНТРАЛЬНАЯ!

В разных местах по всем восьми линиям трамваи с неподвижными роликами стояли прервав свой маршрут на пути в или из Рэтмайнз, Рэтфарнхэм, Блэкрок Кингстоун, и Долки, Сэндимонт Грин, Рингсенд и Сэндимонт Тауэр, Доннибрук, Палмерстон-Парк и Верхний Рэтмайнз, недвижные в штиле короткого замыкания. Наемные экипажи, кэбы, фургоны, почтовые кареты, частные выезды, подводы с минеральной газированной водой, тарахтя барахтающимися в корзинах бутылками, грохотали, гремели, запряженные битюгами, громко.

КАК?—И РАВНЫМ ОБРАЗОМ—ГДЕ

— Ну, а как же это назвать? спроси Майлз Кроуфорд. И где они взяли сливы?

ИЗ ВИРГИЛИЯ, ГОВОРИТ ПЕДАГО

ВТОРОКУРСНИК ГОЛОСУЕТ ЗА СТАРИКА МОИСЕЯ

— Как назвать, погодите, сказал профессор, в раздумьи раздвигая сво длинные губы. Как назвать, стойте нужно подумать. Назвать так: Deus n bis haec otia fetis [1].

— Нет, сказал Стефен, я называ это *вид на Палестину с горы Фас или Притча о сливах.*

— Понимаю, сказал профессор.

Он сочно рассмеялся.

—Понимаю, сказал он еще раз с новым удовольствием. Моисей и обетованая земля. Это мы навели его на э мысль, добавил он, обращаясь Дж. Дж. О'Моллою.

[1] Боги даровали нам досуг (лат.).

ГОРАЦИО — ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА В ЭТОТ ПРЕКРАСНЫЙ ИЮЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Дж. Дж. О'Моллой бросил искоса долгий усталый взгляд на статую и молчал.

— Понимаю, сказал профессор.

Он остановился на островке у памятника сэру Джону Грэю и посмотрел вверх на Нельсона сквозь сетку своей кривой улыбки.

ОСТАВШИЕСЯ ПАЛЬЦЫ ПРИЯТНО ЩЕКОЧУТ ХРАБРЫХ ХРЫЧОВОК ЭНН ШАТАЕТСЯ, ФЛО КАЧАЕТСЯ — НО КТО ИХ ОСУДИТ

— Однорукий прелюбодей, сказал он задумчиво, это мне нравится.

— И старушкам нравилось тоже, сказал Майлз Кроуфорд, знай мы святую истину.

ПРИМЕЧАНИЯ

Место действия седьмого эпизода «Улисса» — редакция газеты «Фримен». Этим определяется своеобразная техника построения эпизода, разбитого на небольшие отрывки по типу газетных заметок; каждый из них снабжен отдельным заголовком.

По схеме гомеровских ассоциаций сцена в редакции соответствует началу 10-й песни «Одиссеи»: Улисс на острове бога ветров Эола. Центральный образ — в е т е р, упоминаемый в этой сцене много раз, и в прямом смысле, и в переносном («каким ветром его принесло», «газетчики... держат нос по ветру»), и наконец в различных эллиптических и метонимических оборотах (напр. там же «пожинает бурю» — вторая половина речения: «кто посеет ветер, тот пожинает бурю»).

«Искусство» седьмого эпизода — риторика. Поэтому данный эпизод, насыщен различного рода риторическими фигурами. Перечислить все риторико-стилистические приемы, которыми пользуется здесь Джойс, просто невозможно: для этого пришлось бы переписать учебник риторики, снабдив его примерами из «Улисса». Поэтому отметим из них только наиболее существенные для всего эпизода в целом. Это прежде всего — антитеза.

Через всю вторую половину эпизода (начиная с заголовка «Трубка мира») проходит тройная антитеза: Египет — евреи, Рим — греки, Англия — ирландцы. Ее смысл раскрывается в цитируемой профессором Мак-Хью речи (начиная с заголовка «Человек высокой нравственности»). Профессор — сторонник «ирландского возрождения». Это движение, возникшее в 90-х годах прошлого столетия, ставило своей целью вернуть Ирландии ее политическую независимость (союз шинфейнеров) и возродить национальную культуру; одним из его вождей был поэт и общественный деятель «А. Е.» (псевдоним Джорджа Рэссела). Порабощенных носителей истинной культуры — ирландцев, отождествляемых с евреями (и раньше — с греками), профессор противопоставляет поработителям, грубым коммерсантам и «клоакоделам» — англичанам, египтянам, римлянам. Битва при Эгоспотамосе (405 г. до н. э.), положившая конец морскому владычеству афинян, сопоставляется с битвой при Т р а ф а л ь г а р е (1805 г.), где английский флот под предводительством однорукого адмирала Горацио Н е л ь с о н а (1758—1805) одержал победу над французским. После речи Тэйлора (заголовок «Недобрый знак — для него») Стефен вспоминает более раннее движение за независимость Ирландии, связанное с именем О'Коннелла: Тара и Муллагмаст — небольшие города в Ирландии, где в 1843 году О'Коннелл произносил свои речи перед стотысячными толпами ирландцев («Скопища в Муллагмасте и Тара королей»); Тара — древняя столица Ирландии.

Тема евреев в Египте проскальзывает и в начале эпизода: Блум вспоминает еврейскую пасху («пейсах») — праздник в память исхода евреев из Египта; там же фраза «в будущем году в Иерусалиме» — слова, которыми правоверные евреи приветствуют друг друга на пасху. Наконец, в последней части эпизода, построенной целиком на гротескных антитезах (напр. гротескное осмысление текста отрывка в заголовке: «Ударом по сопатке» и т. д.), тот же мотив дается в плане гротеска: «Вид на Палестину с горы Фасги»: Моисей, доведя евреев до Палестины, умер, успев только взглянуть на нее с вершины Фасги (ср. раньше: «И все же он умер, не войдя в землю обетованную»).

Исторические ассоциации, изобилующие в седьмом эпизоде, почти все так или иначе связаны с борьбой ирландцев за независимость. Вспоминая славное прошлое редактируемой им газеты, Майлз Кроуфорд называет основателя «Фримена», врача и политического деятеля Л у к а с а (1713—1771), публицистов и ораторов Генри Г р а т т а н а (1746—1820) и Генри Ф л у д а (1732—1791); имя последнего ассоциируется с созданной им в 1778 г. организацией И р л а н д с к и х В о л о н т е р о в, первоначальной целью которой была защита Ирландии от французского нашествия; пользуясь своей силой, эта организация оказывала известное давление на английские правящие круги, но в 1783 г. была распущена. Знаменитые юристы Джемс У а й т с а й д (1804—1876), Айзэк Б э т т (1813—1879), Томас О'Х а г а н (1812—1885) и Джон Фильпот К э р р а н (1750—1817), упоминаемые им же (после заголовков «Хитро, очень» и «Что возвращает нас...»), также принимали деятельное участие в освободительном движении, выступая защитниками в политических процессах О'Коннелла, фениев и др. Перед этим, рассказывая о карьере «Великого Галлахера», Майлз Кроуфорд вспоминает еще об одном эпизоде борьбы ирландцев за независимость — о по-

литических убийствах в Феникс-парке (1881 г.), организованных ирландской террористической организацией Непобедимых.

Намек на освободительное движение заключен также в упоминании о парламенте острова Мэн (заголовок «Дом Клю(т)чей», в начале эпизода). Требуя для Ирландии самостоятельного парламента, сторонники независимости ссылались на пример острова Мэн, сохранившего широкое самоуправление (гомруль) и парламент, нижняя палата которого называлась «Дом Ключей».

Другой прием, проходящий через весь эпизод — использование цитат, часто трансформированных и гротескно-искаженных. Наиболее многочисленны здесь, как и во всем «Улиссе», цитаты из Шекспира: «И тихо влил в преддверия ушей» («Гамлет, д. 1, сцена 5); там же «Животное о двух спинах» — намек на «Отелло» (д. 5, сцена 2, слова Яго); «Рази, Макдуфф!» — гротескно-осмысленная цитата из «Макбета» (д. 5, сцена 8); «Наш фимиам от алтарей священных» — из «Цимбелина» (д. 5, сцена 5); заголовок «Эрин, смарагд серебряного моря» — перефразировка цитаты из «Ричарда II» (д. 2, сцена 1), где Англия названа «брильянт в серебряной оправе моря». Эрин так же как Иберния (заголовок «В сердце ибернийской столицы»), древнее название Ирландии. «Боги даровали нам досуг» (после заголовка «Из Виргилия, говорит педагог») — цитата из эклоги Виргилия. Итальянские стихи в отрывке «Рифмы и резоны» — трансформированные цитаты из «Божественной комедии» Данте (Ад, песнь 5, ст. 28 и сл.; Рай, песнь 31, ст. 127 и 142). Цитатой «из самого себя» является четверостишие «В алом огне парусов»... (заголовок «???»). Напомним историю возникновения этих стихов. Во втором эпизоде «Улисса» («И. Л.», 1935, № 2) «хозяин» Стефена Дедалуса, м-р Дизи, передает ему письмо в редакцию о ящуре; в следующем эпизоде (там же, № 3) Стефен на берегу моря сочиняет стихи, записывая их на клочке бумаги, оторванном от письма («оторван конец»). Дальше после заголовка «Скандал в фешенебельном ресторане» идет цитата из разговора Стефена с м-ром Дизи («Через женщину грех вошел в мир») и из письма м-ра Дизи («Императорские лошади» и т. д.). Аналогичная цитата «из себя» — «Лимерик Ленехэна». Лимерик — ирландская эпиграмматическая строфа, состоящая из пяти анапестических стихов с рифмовкой *аабба*. Наконец, развернутые цитаты из речей знаменитых ораторов (речь Доусона в газете, «стройный период» Сеймура Буша и речь Тэйлора) и вставная «Причина о сливах» составляют значительную часть всего эпизода.

АМЕРИКАНСКАЯ НОВЕЛЛА XX ВЕКА

В течение нашего века ни один из жанров не получил такого развития в Америке, как новелла. Внешним показателем этого развития является, между прочим, огромное количество всяческих руководств для писателей-новеллистов; некоторые из этих руководств представляют интерес, и хотя подавляющее большинство не имеет никакой ценности, но самый факт появления все новых и новых руководств свидетельствует о том, что жанр новеллы является любимым жанром американского читателя самых разнообразных социальных групп.

В ответ на такой спрос американские буржуазные писатели дали бесконечное количество новелл. Едва ли в какой-нибудь стране мы найдем столько новелл, написанных литературными закройщиками, как в Америке. Но вместе с тем едва ли где-нибудь на Западе техника новеллы достигла американской высоты. Мастерство американской новеллы является по сей день непревзойденным на Западе.

Среди американских новелл нашего века, заслуживающих безусловного внимания благодаря их литературным достоинствам, немало новелл неизвестно нашему читателю. Некоторые из них являются лучшими образцами различных жанров новеллы, другие сыграли известную роль в истории американской новеллы нашего века. И те и другие новеллы заслуживают того, чтобы наш читатель знал их. Для ознакомления с ними читателя «Интернациональная литература» ежемесячно будет помещать такие новеллы под общим заголовком «Американская новелла XX века».

Редакция

Норман Дэнкан

Светоч свободы

Перевод с американского А. В. КРИВЦОВОЙ

Новелла «Светоч Свободы», опубликованная Дэнканом (1871—1916) в книге «The Soul of The Street» («Душа улицы», 1900 г.), показательна для этого мастера новеллы на первом этапе его творчества. Хотя Дэнкан получил известность благодаря новеллам и романам, фоном для которых служил Нью-Фаундленд и Лабрадор, но его первая книга новелл «The Soul of The Street» (большинство новелл посвящено в ней сирийскому кварталу в Нью-Йорке) не без основания считается некоторыми американскими критиками лучшей его книгой. В этой книге Дэнкан лиричен, очень наблюдателен и проявляет себя подлинным реалистом: в последних своих книгах он уже не свободен от влияния той «романтической школы», которая возникла перед империалистической войной 1914 года и подарила американской литературе немало первоклассных новеллистов. Но мастером новеллы Дэнкан остается на обоих этапах своего творческого развития.

Е. Л.

Оконные стекла мертвенно просвечивали, покрытые ровным слоем грязи, накопившейся за семь лет. Кабинет был им подстать — беспорядок, пыль. Здесь, в старом желтом доме неподалеку от Саут-стрит, Сэлим Шофи ровно семь лет издавал, день за днем, «Каукаб Эльхоррия» — что, в переводе с арабского, значит — Звезда Свободы. За окном воздух был довольно свежий, поэтому редактор Калил Кайат, пытаясь найти утешение и вдохновение у весеннего солнца во всем его блеске, поднял оконную раму. Ни разу не сказал он: «Сэлим, я не вижу неба, потому что окно грязное. Очень ли дорого стоит его вымыть!» Терпеливо он поднимал оконную раму, ибо таков обычай сирийцев: день за днем отступать в сторону вместо того, чтобы один раз наклониться и убрать камень с тропы. Нерешительно оторвался Кайат от листа на письменном столе, дабы похитить мечту у мира за окном, и был огорчен, пока не отошла от него мысль о воровстве, ибо день уходил, а ему еще немало следовало написать об угнетении, чтобы разбудить обитателей Вашигтон-стрит. Была здесь зазубренная полоса синего неба, которая могла занять его мысли, загруженные доки и пересекающиеся тонкие мачты судов, отрезок реки, рассыпающей солнечный свет, шумное движение на улице, дым, поднимающийся там, где создаются вещи, и хмуро нависший над городом